

К юбилею Нонны Мордюковой

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ...

Независимая газета, - 2000. - 25 нояб. - с. 7

Елена Стишова

В КОНЦЕ 50-х, в пору дебютного феерического взлета, Нонна Мордюкова сыграла несколько ролей своей золотой серии, не ведая, что в них закодирована ее судьба. У людей цельных, таких, как Мордюкова, судьба не делится на человеческое и профессиональное — подобные личности живут в едином потоке бытия, не отступаясь ни от чего, что отпущено свыше.

Так вот, в 1955 году Мордюкова, ни дать ни взять скифская малона, с ликом, будто вырезанным из камня, снялась у Михаила Швейцера в «Чужой родне». Семейная драма была прочитана режиссером эпически глубоко, пущенные поверху идеологические оборочки не в счет, да они и не мельчили этой крупной вещи. Гениальная актерская интуиция вела Мордюкову в сторону экзистенциальной драмы. Ее героине нужно было *выбрать себя*. Как в свое время Гамлету. И только потом сделать следующий шаг — в сторону любимого мужа или в сторону любимых родителей. В Мордюковой, коренной кубанской казачке, почва болела и сейчас болит. И ей тоже приходилось выбирать себя. И не однажды. Только почвы и судьбы она никогда не разделяла. Об этом она написала в замечательной автобиографической книге «Не плачь, казачка!».

В «Простой истории» (1960) Юрия Егорова Мордюкова сыграла Сашу Потапову, молодую солдатскую вдову, избранную председателем колхоза. Саша влюбляется в бывшего фронтовика, секретаря райкома Данилова (Михаил Ульянов). И тот явно положил на нее глаз, да решительный шаг сделать боится. И уязвленная Саша однажды скажет, как отрежет: «Хороший ты мужик, но не орел!» Эта реплика уйдет в народ, станет едва ли не поговоркой, обретет фольклорный статус. Ну что делать, нет пары на этой земле ее героиням. Тянутся к ним мужики, а приблизиться боются. Не совладать им с такой силой чувств.

Не сыграть было Мордюковой бабьего счастья — так уж ей на роду написано. Но и роль шолоховской Аксины, будто для нее придуманная, не ей досталась. Это стало для нее пожизненной травмой, но порыва к полноте любви и жизни — могучего, как бушующая стихия, не остановить! Попробуй остановить

Нонна Мордюкова на Московском кинофестивале.
Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

такую. В ней все через край. То к сердцу прижмет, то к черту пошлет.

Страсти по Нонне — это вереница образов, в которых актрисе удалось утолить свой мятежный дух, свой духовный и чувственный голод. Комиссар в одноименном фильме Александра Аскольдова, пролежавшем на полке больше двадцати лет, мать дезертира в «Трясине» Григория Чухрая — картина практически не была показана и замалчивалась в прессе. Да, она Медяк, Федра, Ифигения, ей бы Эврипида играть, античных драматургов, Катерину в «Грозе», Настасью Филипповну...

Но и в мелодраме, и в жестоком романсе Мордюкова умела выплеснуть свой трагический темперамент. «Возврата нет» и «Русское поле», фильмы не ахти какого полета, благодаря ее участию стали лидерами проката. Непроста же ее называют русской Анной Маньяни. Нравится ей это или нет, но так оно и есть. Маньяни трагична, даже если играет фарс. А Мордюкова в михалковской «Родне»? «Ой, спасибо, я цветного не пью», — это генералу, который угощает красным вином.

Есть сокровенный внутренний сюжет, обнимающий если не все мордюковские роли, то большинство из них. Это любовь. И в гротесковой «Родне» у нее есть замечательные лирические эпизоды. Она встречает бывшего мужа, спивше-

гося Вовчика, и такая нежная жалость охватывает ее к этому бедолаге. Пусть и жизнь ей сломал в свое время, все равно жалко его, дурака.

Однажды Нонна Мордюкова подарила всем, кто слушал ее в тот час, формулу философской глубины. «Искусство, — сказала она, — это торжество пола». Не побоюсь, что она штудировала Бердяева. Скорей всего сама дошла до этой истины. Опытным путем. И всегда просит сценаристов, с которыми работает, чтобы в роли была любовь, ну, хоть чуть-чуть...

Однако вот загадка: вопреки тому факту, что Нонна Мордюкова не выложила до конца в своих ролях, пусть и было их, прямо скажем, немало, все равно есть ощущение большой актерской судьбы, яркой, самобытной. Ответ прост — эманация этой мощной личности перекрывает банальную драматургию, среднюю режиссуру. Что бы она ни играла: эксцентриаду, комедию, бытовую драму, да хоть бы телефонную книгу, — это отдельное событие. Вспомним кустодиевскую перезрелую купчиху, алчно ласкающую перепуганного соискателя, — в «Женитьбе Бальзамина» Константина Воинова. Или пламенную стерву — начальницу ЖЭКа из гайдаевской «Бриллиантовой руки». Или — из недавнего — маховую советскую функционерку в мужском прикиде, эдакую хо-

зяйку жизни в «Луна-парке» Павла Лунгина. За Мордюковой всегда интересно наблюдать в кадре. Она — держит. Единственно, где актриса не преодолела изначальной фальши драматургии, — в последней своей работе в фильме «Мама». Ну, не могла духоподъемная и пассионарная Нонна Викторовна пойти против собственного естества — сыграть мать — погубительницу своих сынов.

Когда случается наблюдать Мордюкову в жизни, я тоже не могу оторвать от нее глаз. Как и на экране, она изумляет удивительной натуральностью существования в предлагаемых обстоятельствах. Это, кажется, и зовется магическим словом «органика». Летим на «Киношок», приземляемся в Анапе. Улетали — мерзли, здесь жара несусветная. На взлетной полосе туча встречающих, танцоры из ансамбля песни и пляски преют в кубанках, оркестр гремит, бежит Виктор Мережко в казацких шароварах. А Нонна Викторовна, спустившись с трапа, будто wpłyает в пляс, лихо подхватывая «Марусю» и сразу попадая в тональность. Как она поет — это отдельная песня. Если кому повезло услышать — не забудет.

В гостинице, где весь персонал на нее молится, она с утра смотрит мексиканский сериал. В холле, вместе со всеми. Потом анализирует влук — был у нее период пристального интереса к продукции, которую смотрит весь мир.

Поход на пляж — это ритуал. В огромной шляпе, с какими-то сумками-кошельками народная артистка фундаментально располагается на анапском белом песке. С ней можно перебраться бытовыми фразами. О погоде, о красоте набегавшей волны. Но надо быть начеку. Не дай бог, если она истолкует твое невинное соседство как покушение на ее свободу — пошлешь не жди. Общеизвестно, что взять интервью у Мордюковой — огромное везение. Я знаю только одного коллегу, к которому она была благосклонна в этом смысле, да и то на короткий срок. Эта актриса не ищет публичности, пожалуй, даже избегает. Что ж, кто-то не может себе такого позволить, а она — может. При такой-то монументальности каждый жест воспринимается как осмысленный поступок. И в этом она тоже, как Маньяни. Маньяни из фильма «Рим», узнав Феллини в группе кинооператоров, поджидавших ее около входа в дом, сказала устало: «Федерико, или домой, уже поздно».